

УДК 94(571.53)

Уголовная ссылка и освоение Сибири в трудах лидеров областнического движения второй половины XIX в.

А. А. Иванов

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск
e-mail: sovet@penpolit.ru*

Настоящая статья посвящена анализу взглядов лидеров областнического движения на роль уголовной ссылки в заселении, а также сельскохозяйственном и промышленном освоении Сибири в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: уголовная ссылка, государственная политика, освоение Сибири, областничество, регионализм, штрафная колонизация, сибирская интеллигенция.

Центральное место в сибирской историографии XVIII–XX вв. занимал вопрос освоения этого обширного края. Присоединение и заселение территории, взаимоотношения центра и окраины, общественно-политические движения, формирование классов и сословий, культурное развитие, положение инородцев – все это суть производные одной общей проблемы – проблемы освоения Сибири [3, с. 3; 12, с. 3].

Как известно, формы освоения Российской Империей своей зауральской территории были различными. И в отечественной историографии этот процесс отражался по-разному. Исследователи выделяли «народную», «невольную», «промышленную», «сельскохозяйственную», «звероловную», «горнозаводскую» и т. д. колонизации. Определенное место среди этих форм или «потоков» принадлежало и штрафной колонизации, освоению края при помощи уголовной ссылки. Изучение этого вопроса, естественно, имеет свою историю [6, с. 38–59; 8, с. 86–99; 10; 2], однако и по сей день, несмотря на общее весьма солидное количество работ, авторы которых так или иначе обращались к этой теме, ее исследование далеко от своего завершения.

В настоящей статье рассмотрим, каким образом лидеры сибирского областнического движения определяли роль уголовной ссылки в колонизации края. Придавая видное значение борьбе за отмену штрафной колонизации, они сделали многое для начала научного исследования этой темы. Выступая за коренное решение «самого насущного вопроса Сибири», руководители движения не могли не приступить к его первоначальному осмыслению, публицистическому обобщению, а затем и научному изучению.

Хорошо известно, какое исключительное место занимала «ссылная тема» в антиколониальной, областнической концепции сибирских патриотов [см., напр. 5]. Немедленное прекращение ссылки и каторги за Урал было главным требованием движения второй половины XIX в. Г. Н. Потанин вопрос о ссылке в Сибирь считал «самым кричащим». Определяя приоритеты областнического общественного движения – защита от московской эксплуатации, вопрос переселенческий, университетский и инородческий, – он на первое место все же ставил задачу отмены ссылки. «Самая главная нужда Сибири заключается в установлении правильных взаимоотношений между метрополией и колонией. Колония обращена в место ссылки для преступных элементов Европейской России» [15, с. 275].

Отношение лидеров областнического движения к уголовной ссылке в истории заселения Сибири шло от демократической традиции отечественной историографии, считавшей «народную», а не «государеву» колонизацию главным фактором освоения региона. Так, у М. В. Ломоносова читаем: «При взятии Ермаком Сибирского царства и по многих приращениях на Восток Российской державы, произведенных больше частными поисками, нежели государственными силами, где казаки, оставшиеся и размножившиеся... главное имеют участие» [9, с. 448]. Аналогичных взглядов придерживался и А. Н. Радищев, считавший, что заселение края «...не на одного Ермака с его товарищами относиться долженствует, но на всех участвовавших в произведенных после его завоевания Сибири, даже до самая Америки» и призывавший «отдать справедливость народному характеру» за «неутомимость» в деле освоения Зауральского региона [16, с. 147].

А. П. Щапов, «отец областничества» [19, с. 142], как известно, историей ссылки в Сибирь специально не занимался. Вместе с тем в нескольких своих научных и публицистических статьях («Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении» (1872), «Историко-географические заметки о Сибири» (1873), «Бурятская улусно-родовая община» (1874), «Социальные потребности Сибири накануне реформ» (1876)) он сделал ряд характерных высказываний, позволяющих нам сегодня судить об отношении ученого к этому предмету.

А. П. Щапов считал, что заселение Сибири уголовными ссылными оказывает пагубное влияние на еще не оформившуюся, а значит, особенно раннюю «сибирско-русскую народность». По исследованиям ученого, среди сибиряков, помимо «самородков» – «происходцев из простонародья, обнаруживающих замечательные особенности в различных технических искусствах, распространены, возможно, больше чем где-либо, и всякого рода уроды – кретины, микроцефалы, идиоты или дурачки» [19, с. 283]. Проявление этой патологии в Сибири больше, чем в Европейской России – есть следствие «наводнения» края ссылными, «чье физическое и моральное здоровье» далеко от безупречного, а образ жизни – от нравственных устоев.

Отношение исследователя к поселенцам, сосланным в Сибирь для сельскохозяйственной колонизации края, совершенно иное, чем к уголовным. Такой ссыльнопоселенец, по Щапову, имеет более широкий «умственный кру-

гозор», более «культивированные и развитые умственные способности». У него «логический анализ в рассуждениях глубже», наблюдения шире, «речь выразительнее, с большой примесью слов книжного языка». Вполне естественно, что вклад подобного типа ссыльного в становление сибирско-русской, или «областной», как он еще называет, народности Сибири оценивался историком исключительно позитивно.

Не могли не волновать А. П. Щапова и социальные последствия ассимиляции ссыльных в крестьянской общине. Последней, по Щапову, «чужды буржуазные понятия, эгоистически-приобретательские стремления к наживе за счет ближних сообщников». Вместе с тем на конкретных многочисленных примерах историк доказывает, что как инородческая бурятская, так и приленская крестьянские общины испытывают в настоящее время процесс разложения. Катализатором этого и выступают ссыльнопоселенцы, именно их появление здесь ведет к «единоличному наживательству», эксплуатации и мироедству» [19, с. 272]. Среди крестьянских поселений быстро растут новые «кабаки» и питейные заведения, открываемые, в основном, уголовными ссыльными.

Автор предлагает только самой общине, а не представителям государственной власти, решать вопрос о принятии поселенцев в свой состав. В качестве примера он рассказывает о том, как крестьяне Манзурской волости не выполнили приказ комиссара о принятии в общину ссыльнопоселенцев в качестве работников и наделении их не только «пищей», одеждой и денежной платой, но и «присевками». Общество письменно «покорнейше» просило отказать от предписания, так как в селениях имеется «значительное число бедных крестьян, мирских старожилов, нуждающихся в наемной работе у своих общинников» [19, с. 271].

Щаповское отношение к ссылке отчетливо прослеживается и на примере его известного положения о российской истории как истории областей. По его представлениям, в свободном органическом развитии «областности», «областей» в рамках единого государства нет, и не может быть места уголовной ссылке. Центр не должен превращать «окраины» или «области» в место сосредоточения политических и уголовных преступников. «Сибири, – считает Щапов, – необходима колонизация не ссыльными, невольниками-поселенцами, а свободным рабочим народом, крестьянством, ремесленными или фабрично-заводскими мастерами и рабочими» [19, с. 317].

Разрушительное воздействие ссылки на сибирскую общину отмечал не только А. П. Щапов. «Наличность многочисленного поселенческого элемента действует на крестьянскую массу развращающим образом, – писал, например, Н. М. Астырев, – обилие дешевых рабочих рук... развивает в крестьянине сильное стремление эксплуатировать эти голодные рабочие массы, облегчает переход от натурального хозяйства к капиталистическому производству, способствует большему развитию индивидуальности в членах общества, уничтожая необходимость во взаимной поддержке друг друга...» [1, с. 155].

Использование ссылки в качестве колонизационного элемента Н. М. Астырев считал незначительным. Причину этого ученый видел в отсутствии

системы в организации «ссыльного дела». «Хаотичному, невозможному состоянию ссылки посвящено уже множество исследований, чиновничьих записок, докладов, даже страниц отчетов губернаторов и генерал-губернаторов». При этом главную беду, следующую из отсутствия организации ссыльного дела, Астырев видел в том, что ссыльные, «выброшенные» в Сибирь, предоставлены «самим себе». «De facto, – пишет автор, – ссыльные находятся вне всякого надзора и пользуются всеми правами свободного человека». Вот в этом попустительстве и следует, по мысли автора, искать источник «развращающего действия» на крестьянское общество. Это – «самая темная сторона» ссылки. «Благодаря ей в местном обществе быстро образуется группа капиталистов-производителей и группа голодного пролетариата, а крестьянин становится «похож скорее на фермера, или даже плантатора-рабовладельца» [1, с. 124, 156].

Вопросы штрафной колонизации Сибири постоянно интересовали и Г. Н. Потанина. Из переписки с Н. М. Ядринцевым следует, что Григорий Николаевич принимал живейшее участие в обсуждении содержания будущих книг и статей, обращал внимание своего друга на обязательное освещение наиболее «вопиющих» сторон «ссыльной» проблематики. Именно Потанин зачастую подсказывал Ядринцеву ту или иную тему, определяя ее публицистический характер и направленность. Так, еще в письме из Никольска в июле 1872 г. Г. Н. Потанин пишет: «...тюремный конгресс в Лондоне меня очень интересует, однако в “Сыне отечества” речь Гастингса не приведена даже в кратком извлечении, а только упомянуто, что он отрицает всякую пользу штрафной колонизации для страны. Можно ли надеяться, что это даст Вам случай написать статью». А вот в декабрьском письме за тот же год из Тотьмы: «По поводу Ваших вопросов, о которых Вы собираетесь писать брошюру... Согласны ли Вы, что самыми важными из них должны признать три, а именно (в порядке важности): 1) штрафная колонизация, 2) мануфактурное иго, 3) отсутствие интеллигенции» [13, с. 115, 132].

Одним из первых Г. Н. Потанин поднимает проблему «приживаемости», закрепления уголовного ссыльного в сельском хозяйстве Сибири. Здесь только что приписанного к обществу поселенца ждет совсем «нерадушный» прием: «Посельщик, – пишет автор, – беден, лишен некоторых прав, деморализован, тогда как его противник находится у себя дома, обладает всеми правами. Сибиряк вытопчет у поселщика хлеб в поле, выкосит часть его лугов, захватит долю его земли – поселщик бессилён бороться. Сибиряк держит его в экономической зависимости, играя по отношению к нему роль кулака».

Основная масса ссыльных, – указывает далее Потанин, – приходит в деревню без средств к существованию. Перед ними всегда стоит своеобразный выбор – или пополнить толпы бродяг, кочующих непрерывно по сибирским дорогам, просящих «Христа ради», а нередко занимающихся разбоем, или заниматься к крестьянину в работники. Батрачит наибольшая часть ссыльных. «Жизнь батрака, – пишет автор, – нигде не сладка. Но у сибирского крестьяни-

на поселщик выносит то, что он раньше и представить не мог. Сибиряк буквально не дает ему отдыха, выжимая из него все, что тот способен дать».

Несмотря на воинствующее неприятие уголовной ссылки, твердое убеждение в ее «пагубном», негативном влиянии на сибирское общество, Г. Н. Потанин, между тем, сочувствует «простым» ссыльным, пытающимся вести в Сибири «честную жизнь». Таким поселенцам очень сложно победить обстоятельства. «В сибирской деревне, – подводит итог автор, – существует два сословия – местные крестьяне – господствующее, и поселщики – подчиненное. <...> Между крестьянами и поселщиками идет борьба, не умолкающая, ожесточенная. Эта борьба по средствам и результатам отвратительна, потому что развращает обе стороны»¹ [17, с. 8–9].

Среди работ сибирских областников, посвященных исследованию штрафной колонизации, центральное место занимают труды Н. М. Ядринцева. Николай Михайлович – автор целого ряда статей, исследующих вклад уголовной ссылки в развитие края [14; 18; 20]. Именно он уже в начале 70-х гг. XIX столетия сумел поставить и попытался по-своему решить основные вопросы этой темы. Выделим среди них:

- численность, половой, возрастной и социальный состав уголовных ссыльных;
- территориальное и производственное размещение;
- характер взаимоотношений с сибирским обществом;
- вопросы организации колонизации Сибири уголовными ссыльными;
- возможные альтернативы штрафной колонизации.

Главный труд Н. М. Ядринцева – «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» (1892) содержит специальную главу «Ссылка в Сибирь и положение ссыльных» [21]. Как видим из названия главы, Николай Михайлович не ставил перед собой цели специального исследования роли уголовной ссылки в колонизации Сибири. Вместе с тем совершенно понятно, что ученый не мог обойти этот вопрос своим вниманием.

«Наказание это, – пишет Ядринцев, – считалось каранием и исправлением, очищением общества от дурных элементов и полезной колонизацией края». Оно удовлетворяло и «суровых криминалистов, и представителей исправительного принципа», и «гуманистов, предпочитавших его душевной тюрьме, так как здесь ссыльные не только несут наказание, но и работают на чистом воздухе». Между тем, – считает автор, – соединение столь противоречивых задач ссылки, «в сущности, на деле вытеснявших друг друга» невозможно и должно было зародить в обществе некоторые сомнения по поводу ее эффективности, а значит, и целесообразности [здесь и далее цит. по: 22].

Н. М. Ядринцев был одним из первых, кто сумел определить научную важность исследования этой темы: «крупным и грандиозным явлением рус-

¹ Интересно отметить, что в редакционном анонсе на статью Г. Н. Потанина сказано следующее: «Настоящий очерк принадлежит одному из даровитых наблюдателей; он рисует рельефно, какое влияние оказывает уголовная ссылка на крестьянскую среду».

ской жизни» называет он колонизацию Сибири. «История этих движений и многообразное проявление всех форм и видов колонизации подлежит еще многим внимательным исследованиям, и, вероятно, откроет замечательные черты для наблюдения народной жизни».

Исследователь подчеркивает и геостратегическое значение колонизации сибирских пространств. Говоря о необходимости для России продолжить активное социально-экономическое освоение территории на востоке от Уральского хребта, он подчеркивал важность этого, связывая с усилением стран тихоокеанского региона: «...азиатские государства, как Япония и Китай, начинают выходить из положения застоя, и при помощи европейского влияния, могут явиться серьезною силой... Мы не можем уже более пренебрегать нашими владениями на востоке и их культурой, хотя ради того, чтобы не отстать перед остальными азиатскими государствами. Задачи, оставленные для будущего, приблизились к нам...».

Прежде всего, Н. М. Ядринцев стремится установить влияние уголовной ссылки на демографические процессы в крае. Цель поисков понятна – определив общее количество ссыльных, можно говорить об их общем вкладе в дело заселения края. На первый взгляд, количество ссыльных, отправляемых в Сибирь, растет год от года, что позволяет сделать вывод и об увеличении их роли в экономике региона. «Цифры ежегодно отправляющихся в Сибирь ссыльных казались нам внушительными, чтобы сделать заключение о довольно видном значении ссылки в деле колонизации. Число ссыльных доходит до 19 000 в год – контингент довольно значительный. Прежде ссылка равнялась от 6 000 до 9 000. Это дало повод заключить, что с начала нынешнего столетия, лет в 50 слишком, ссылка дала Сибири полмиллиона народа. По естественному приросту она должна была образовать в этот период более одного миллиона жителей; такой контингент лиц не мог остаться без пользы для малонаселенной Сибири. Мы думали, что это население должно было внести известный труд в край и содействовать его экономическому преуспеянию».

Для того чтобы убедиться в позитивном воздействии уголовной ссылки на Сибирь, автор попытался определить численность ссыльных на местах. Это оказалось весьма трудным делом. Исследователь столкнулся с отсутствием обобщающей статистики. Лишь по отдельным регионам и некоторым периодам можно было выявить какие-то количественные показатели. При этом, указывает Н. М. Ядринцев, «сведения эти крайне противоречивы и неопределенны. Но самое важное то, что число людей, считающихся по официальным спискам, далеко не составляет числа действительно на лицо существующего населения».

Например, итоги подворной описи только по Иркутской губернии дали «громадный недочет ссыльнопоселенцев против числившихся по спискам. Налицо – едва ли 1/5 часть» поселенцев. По другим сведениям, на 45 000 ссыльного населения только тысяч 14 живет в местах причисления, около 10 000 находится на промыслах и заработках, остальные в безвестной отлучке. В Манзурской волости, например, из 2400 причисленных поселенцев, на месте живет только 300».

Изучив статистику по всей Сибири, Н. М. Ядринцев приходит к заключению, что «наличное ссыльное население в Сибири составляет громадную разницу с числом высланных и числом приписанных по волостям. Кроме числа вымиравших по дороге, бегущих с пути, оно уменьшается против приписки немедленно по прибытии на 2/3 и даже на 4/5. Таким образом, подводит итог Н. М. Ядринцев, из 200 000 мы вправе считать наличными едва 40–60 000 остающихся в местах ссылки. Вместо указываемых 500 000 ссыльных во весь период и миллиона, выросшего путем нарождения, которые, как мы предполагали, обогатили Сибирь, нам представляется 400 000 потерянного и неизвестно куда девавшегося народа, умершего или погибшего в бегах. Картина совершенно обратная и неутешительная».

Вывод исследователя вполне логичен и закономерен: «Увеличение населения Сибири путем ссылки было крайне ничтожно». Во-первых, обосновывает ученый далее, до настоящего столетия, и вплоть до 20-х гг., ссылка была ничтожна по численности; во-вторых, беспорядки внутри ссылки не способствовали «плодовитости, размножению и приросту населения Сибири».

Что же это за «беспорядки», иными словами, каковы изъяны системы?

Изучая этот вопрос, Н. М. Ядринцев приходит к выводу, что закреплению ссыльных в Сибири препятствовало несколько обстоятельств. Прежде всего, это возраст ссыльных – «преимущественно между 30 и 50 годами». Во-вторых, «самая пропорция ссыльных женщин не соответствовала мужскому населению, так как ссыльные женщины составляли 1/6 часть, или 18 женщин приходилось на 100 мужчин». В-третьих, «из общего числа ссыльных наибольшую категорию составляют дряхлые». В-четвертых, высокая смертность ссыльных, «которая характерна еще в местах пересылки». Все это, говорит исследователь, дает нам повод предположить, скорее, о вымирании ссыльных, чем об их приросте».

Как отрицательный фактор Н. М. Ядринцев называет и нерациональное распределение сибирских ссыльных внутри губерний, уездов и волостей. «В некоторых местах, – указывает автор, – они скучены до чрезвычайности. В Каинском и Мариинском округах они составляют почти 1/6 населения и могут ввести в заблуждение о значении ссылки в Сибири; зато в иных округах их нет совершенно...».

Чтобы проследить вклад ссыльных в экономику Сибири, Ядринцев исследует материальное положение поселенцев. Ученый приводит статистику по Кимельтейской волости Иркутской губернии – из 496 ссыльных, проживающих в местах причисления, лишь 109 считаются домохозяевами. Из них – только 59 сами хозяева-хлебопашцы, остальные нанимаются в работники к богатым крестьянам. При этом большая часть домов – лачуги. По мысли ученого, личное жалкое материальное благосостояние основной массы уголовных ссыльных вполне адекватно характеризовало и их роль в экономике региона.

Какое же место в освоении Сибири в целом отводил Н. М. Ядринцев штрафной колонизации? Весьма незначительную. Автор неоднократно подчеркивает народный характер заселения Сибири. «Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного стремления и творчества; резуль-

тат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране. Без этого движения не было бы Сибири».

При этом народное заселение Сибири автор напрямую связывает с закрепощением крестьян в Европейской России. Двигателем колонизации, по его мнению, и был крепостной гнет и, как следствие, бегство «из-под ига крепостного права». «Сибирь дала готовый выход этим элементам и открыла клапан движению. Законы об укреплении крестьян и “Юрьев день” стеснили народ и юридически прикрепили его к земле, но не остановил движение, а напротив, дал ему новый импульс и побуждение “брести”».

По мнению Ядринцева, «подле торной дороги, по которой со звоном кандалов гнали партии преступников, вилась незаметная лесная тропа, по которой тайком перебирался русский свободный переселенец или беглец». Чтобы подчеркнуть, что главная причина бегства из России заключалась в крепостном праве, Ядринцев говорит о том, что нередко «дети ссыльных отцов бежали в Сибирь и здесь с помощью денег записывались в число ссыльных. Положение ссыльного поселенца в Сибири было легче, чем участь крепостного крестьянина в Европейской России».

Место штрафной колонизации в освоении региона Н. М. Ядринцев выводит и из анализа социального состава невольных колонистов. По его мнению, костяк переселенцев составляли: служилые люди, казаки, пахотные люди, ямщики и, наконец, преступники». Как видим, уголовные ссыльные замыкают этот перечень. При этом наибольшее значение для заселения и колонизации Сибири, по мысли ученого, имели пахотные люди. Он указывает: «Главную основу колонизации на Востоке составляло земледельческое население, усеявшее край деревнями; без него казенная колонизация не имела поддержки и стерлась бы, как смелый очерк, как замысловатый план, не получивший реального осуществления. Истинная основа жизни должна была лечь, когда в землю завоеванных стран упало первое хлебное зерно завоевателя. Таково было значение добровольной народной колонизации, следовавшей за военной и казенною».

Л. М. Горюшкин и Н. А. Миненко, анализируя положения Ядринцева о значительном превосходстве народной колонизации Сибири над правительственной, «казенной», считали его выводы недостаточно подкрепленными фактическим материалом. «Отметим, что выводы Н. М. Ядринцева о роли крестьянской колонизации в освоении Сибири основывались больше на логических умозаключениях – конкретно-исторического ее изучения не проводилось. Поэтому справедливо назвать эти выводы замечательными догадками областника-демократа» – утверждают исследователи [3, с. 41].

Согласимся с этим выводом и добавим, что это заключение можно отнести ко всей литературе сибирских областников по колониальному вопросу. Для них уголовная ссылка была злом, разрушающим крестьянскую общину, а значит, и ее роль в колонизации края должна была быть только отрицательной. Однако, несмотря на отсутствие достаточного фактического материала, областники одними из первых сумели обозначить целый ряд важных аспектов этой темы: вскрыли недостатки государственной политики в деле руко-

водства штрафной колонизацией; показали сложный характер взаимоотношений сибиряков и невольных поселенцев; сделали попытку определить, пусть фрагментарно, численность ссыльных, занятых в сельскохозяйственном и промышленном освоении края; выделили основные категории ссыльных колонистов; определили характер воздействия ссыльных на крестьянскую общину.

Литература

1. *Астырев Н.* На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири / Н. Астырев. – М., 1891.
2. *Власенко А. А.* Уголовная ссылка в Западную Сибирь в политики самодержавия XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Власенко. – Омск, 2008.
3. *Горюшкин Л. М.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.) / Л. Н. Горюшкин, Н. А. Миненко. – Новосибирск, 1984.
4. *Дубровский К. В.* От идеалов к действительности (областническая идея в прошлом и настоящем) / К. В. Дубровский. – Иркутск, 1917.
5. *Иванов А. А.* Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в. / А. А. Иванов. – Иркутск, 2001.
6. *Колесников А. Д.* Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1975. – С. 38–59.
7. Колоссальная тюрьма (очерки нашей штрафной колонизации) // Неделя. – 1874. – № 42, 43.
8. *Кузнецов А. С.* Царизм и политика «штрафной колонизации» Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. (историографический и методологический аспекты) // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. – Иркутск, 1984. – С. 86–99.
9. *Ломоносов М. В.* Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Полн. собр. соч. Т. 6. – М. ; Л., 1952.
10. *Марголис А. Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки / А. Д. Марголис. – М., 1995.
11. *Миненко Н. А.* Историография Сибири (период феодализма) : учеб. пособие для студентов-историков / Н. А. Миненко. – Новосибирск, 1978.
12. *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири (домарксистский период) / В. Г. Мирзоев. – М., 1970.
13. Письма Г. Н. Потанина. Т. 1 / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло [и др.]. – 2-е изд. – Иркутск, 1987.
14. Поездка в земледельческие колонии малолетних преступников // Голос. – 1875. – № 50. – Подп.: Г. Н. Потанин.
15. *Потанин Г. Н.* Нужды Сибири // Сибирь. Ее состояние и ее нужды / Г. Н. Потанин. – СПб., 1908. – С. 275.
16. *Радищев А. Н.* Сокращенное повествование о приобретении Сибири // Полн. собр. соч. Т. 2. – М. ; Л., 1941.
17. Российские люди в Сибири // Вост. обозрение. – 1884. – № 14. – С. 8–9. – Подп.: Г. Н. Потанин.
18. Что стоила Сибирь ссылка // Голос. – 1874. – № 349.
19. *Щапов А. П.* Собрание сочинений : доп. том к изданию 1905–1908 гг. / А. П. Щапов. – Иркутск, 1937.

20. Ядринцев Н. М. Колонизационное значение русской ссылки // Дело. – 1870. – № 12.
21. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – Изд. 2-е. – СПб., 1892.
22. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев ; отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск, 2003.

The Criminal Reference and Development of Siberia in Works of Leaders Regionalists Movements of Second Half XIX Century

A. A. Ivanov

The present article is devoted the analysis of sights of leaders of regional movement for a role of the criminal reference in settling, and also agricultural and industrial development of Siberia in XVIII – XIX centuries.

Key words: the criminal reference, state policy, development of Siberia, a regionalism, penal colonisation, the Siberian intelligency.

Иванов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и отечественной истории Иркутского государственного университета, председатель координационного научно-исследовательского Совета «История пенитенциарной политики Российского государства и Сибирь XVIII–XXI вв.», e-mail: sovet@penpolit.ru